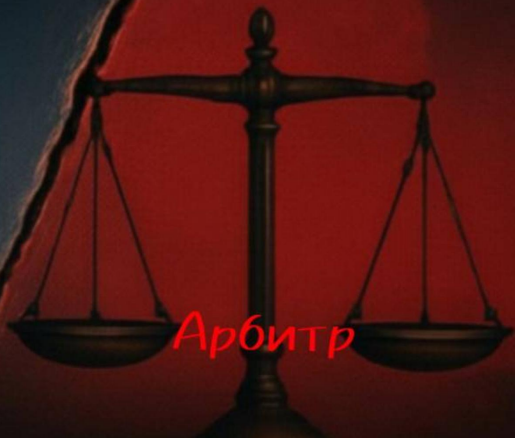

Алекс Твиркель

Арбитр

18+

Алекс Твиркель

Арбитр: история начала

<https://litres.ru/74015309>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чикаго, канун президентских выборов. Город задыхается от коррупции и несправедливости — суды отпускают убийц, взяточники остаются безнаказанными. Таинственный мститель, называющий себя Арбитром, берёт правосудие в свои руки. Он не просто убивает — он выносит приговоры, оставляя на телах жертв латунные весы и жуткие символические послания. Детектив Элизабет ОКоннелл бросает вызов этому новому богу мести. Но чем глубже она погружается в его мир, тем яснее понимает: грань между законом и возмездием почти стёрта, а народ аплодирует палачу. Кто одержит верх в войне идей? И можно ли остановить того, кто верит в свою абсолютную правоту?

Алекс Твиркель

Арбитр: история начала

Предисловие

Америка, 2016 год. Город, который мог бы быть любым — Кливленд, Балтимор, Сент-Луис. Его артерии — это хайвеи, его нервная система — оптоволокно и соцсети, его сердце — даунтаун, бьющийся в ритме посткризисных амбиций и растущего социального раскола. Страна накануне выборов, раздираемая спорами. В воздухе витает чувство, что система дала сбой. Что договор между законом и справедливостью расторгнут.

Правосудие должно быть скальпелем. Но что, если скальпелем стали торговать? Что если его притупили сделки в тихих кабинетах, вращающиеся двери между корпорациями и прокуратурой, предвыборные обязательства? Тогда в организме возникает иной иммунитет. Лихорадка. Ярость тех, кого система отбросила.

Это история о лихорадке, охватившей один город. О двух людях, вставших по разные стороны черты, которая, как нам казалось, была высечена в граните Конституции.

Один верит, что он — необходимое лекарство в эпоху, когда FDA одобряет только яд. Другой — что он последний оплот против возвращения к закону линчевателей. Их битва — это не погоня на шоссе. Это война идей, схватка за душу города в тот самый момент, когда вся Америка задаётся вопросом: а работает ли этот договор еще для всех?

Приготовьтесь. Лихорадка начинается.

Глава 1: Весы Фемиды

Тишина в угловом офисе на сороковом этаже небоскреба в деловом центре Чикаго была густой, как кровь. Не та тишина, что предшествует буре, а та, что наступает после. Тишина исполненного приговора.

Виктор Морозов вытер лезвие специальным льняным платком, тщательно, с почти хирургической точностью удаляя каждый след. Он не испытывал ни злорадства, ни страха. Лишь холодное, безэмоциональное удовлетворение от завершённой работы. Перед ним, склонив голову на полированный дубовый стол, лежал Томас Райт. Девелопер, чья жадность и подкуп чиновников три года назад привели к обрушению недостроенного жилого комплекса «Северная Заря». Погибло семнадцать человек, в основном рабочие-мигранты. Судебное разбирательство завершилось признанием

его виновным лишь в экономических правонарушениях, что повлекло за собой выплату штрафа и назначение условного срока. Семьи погибших не получили почти ничего.

Система отбросила его, как бракованную деталь. Но не Арбитр.

Виктор огляделся. Кабинет дышал деньгами: дорогие картины, кожаные кресла, вид на ночной Чикаго, сверкающий, как рассыпанное стекло. Мир Томаса Райта. Мир, купленный на крови. На столе рядом с безжизненной рукой лежал последний iPhone жертвы, на экране которого застыло уведомление от Fox News.

Из внутреннего кармана своего обычного, ничем не примечательного плаща Виктор извлек предмет. Не орудие убийства, а символ. Маленькие, но точные весы, отлитые из темной, почти черной латуни. Чаши пустовали. Он положил их аккуратно перед телом. На левую чашу поместил сколотый кусок бетона с ржавой арматурой — сувенир с места того самого обрушения. На правую — три потрепанных долларовых купюры. «Баланс, — подумал Виктор. — Семнадцать жизней против условного срока. Чаши никогда не сравниваются. Но я хотя бы пытаюсь».

Это был его автограф, его послание. Не полиции — они

были слепы, — а городу. Миру. Может быть, даже самому себе. Доказательство того, что здесь действовала не слепая ярость, а расчетливое правосудие.

Он еще раз осмотрелся, проверяя, не оставил ли случайных следов. Волос, ворсинок, отпечатков. Ничего. Его методы были отточены за месяцы подготовки. Он изучил расписание уборщиц, график дежурства охраны, привычки жертвы. Райт засиживался допоздна по четвергам, отсылая водителя, предпочитая вызвать Uber. Глупо. Но грехи, как известно, делают человека самоуверенным.

Виктор вышел через служебный вход, слившись с потоком поздних офисных работников и туристов на Уэбэш-авеню. Его лицо, обычное, ничем не выдающееся, не привлекло бы внимания даже самой пристальной камеры наблюдения. Он был тенью, призраком, прошедшим сквозь стены благополучия, чтобы напомнить о цене, которая рано или поздно настигает каждого.

В кармане его плаща лежал небольшой кожаный блокнот. На одной из страниц, рядом с именем «Томас Райт», был поставлен аккуратный крестик. Чуть ниже, под цифрой 4, сиротливо пустовала строка с именем «Патриция Хьюз». Бывшая судья Апелляционного суда, за взятку закрывшая дело о домашнем насилии, закончившееся убийством. Она была

следующей.

Город спал. Но его сон отныне будет беспокойным. Утром новость взорвет Twitter, а к полудню хештег #TheArbiter будет трендом. Арбитр вышел на охоту.

Глава 2: Первая скрипка

Запах старого кофе из Starbucks, пыли и отчаяния висел в воздухе оперативного отдела полиции Чикаго, как постоянный спутник. Детектив Элизабет О'Коннелл стояла перед маркерной доской, с прикрепленными фотографиями, которые не желали складываться в картину. Третья жертва за месяц.

— Райт. Томас Райт, — ее голос, хрипловатый от бессонной ночи и литра кофеина, резал утреннюю тишину. — Найден два часа назад уборщицей в своем кабинете. Одиночный, точный удар тонким острым предметом в основание черепа. Смерть мгновенная.

Капитан Майкл Дэвис, его лицо, изборожденное морщинами и усталостью, напоминало рельефную карту всех неудач отдела, тяжело вздохнул, отхлебывая свой «венте» латте.

— Ограбление?

—Нет, — Элизабет ткнула указкой в увеличенную фотографию стола, переданную с iPad криминалиста. — Деньги в сейфе, часы на руке. Убийца взял только это.

На снимке были четко видны миниатюрные весы с куском бетона на одной чаше и деньгами на другой.

В комнате повисло недоуменное молчание, нарушаемое лишь гудением серверов.

—Что за цирк? — проворчал оперативник Дэнниэл Уилсон, разминая затекшую шею. — Сумасшедший художник? Маньяк с комплексом бога?

—Художник не стал бы так тщательно изучать жертву, — парировала Элизабет, поправляя рукой прядь рыжих волос. Она перевела взгляд на другие фотографии. Ричард Томпсон, замотанный в колючую проволоку, найденный на свалке своего же автосервиса, который был прикрытием для торговли крадеными запчастями. Кэтрин Льюис, утопленная в ванной с лицом, покрытым фальшивыми банкнотами — след ее махинаций с микрокредитами для бездомных.

—У всех троих одно общее, — продолжила Элизабет, её взгляд стал жестким. — Темное прошлое, суды, либо оправдательные приговоры, либо смехотворные наказания. Судебное разбирательство по делу Томпсона завершилось признанием его виновным лишь в ряде краж, что позволило ему выйти по УДО после нескольких месяцев. Льюис отделалась общественными работами. Райт получил условный срок.

— Ты думаешь, это... мститель? — спросила эксперт-криминалист Сара Джонсон, внимательно изучая снимок весов через лупу. — Кто-то, кто считает, что правосудие не сработало?

— Не «думаю», Сара. Я в этом уверена, — Элизабет скрестила руки на груди. — Это не хаос. Это план. Послание. Он не просто убивает. Он... выносит приговор. И ему нужна аудитория.

В дверь постучали. Вошел патрульный Томас Браун, молодой, с еще не затертым до цинизма рвением в глазах.

— Детектив О'Коннелл, капитан. Пресса уже тут. CNN, местные. И... народ у здания собирается.

— Что? — Дэвис нахмурился.

— Они... они скандируют. Что-то про «справедливость» и... — Браун запинался, — про «Судью». The Judge. Так его уже называют в Twitter.

Слово повисло в воздухе, тяжелое и звонкое, как тот самый удар стилета.

Элизабет почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не от страха. От ясного, отчетливого понимания. Это был вызов. Не просто преступнику, который где-то там, в темноте. Это был вызов ей лично, всему, во что она верила. Зако-

ну. Системе. Процедуру. В год, когда страна и так рвалась на части от споров о полиции и правосудии, появился тот, кто играл на этих нервах.

— «Судья», — произнесла она тихо, глядя на фотографию Томаса Райта и абсурдных весов на его столе. — Он сам себя так называет. Играет в бога на фоне всех этих предвыборных драм. И половина города, кажется, готова ему аплодировать.

— И народ ему аплодирует уже сейчас, — мрачно констатировал Дэниэл, указывая подбородком на окно, за которым слышались приглушенные крики. — В соцсетях уже всюду говорят, что этот ублюдок — герой. Чистит город от мусора, с которым мы не справились. Хештег **#The Arbiter** набирает лайки быстрее, чем котики.

Элизабет резко обернулась к доске. Ее глаза загорелись тем самым холодным огнем, который знали все в отделе. Огнем непоколебимой решимости.

— Он не герой. Он убийца. Он переступает черту, которую цивилизация проводила веками. Он считает, что его мораль выше закона. И это делает его в тысячу раз опаснее любого Райта или Томпсона. Он верит в свою правоту. А вера — самое опасное топливо.

Она подошла к доске и красным маркером с силой написала под фотографиями жертв: **THE ARBITER**.

— Запомните это имя. Потому что мы его сотрем. Не ради них, — она кивнула на фото жертв, — а ради всех остальных. Ради того, чтобы завтра какой-нибудь самодовольный психопат, начитавшись постов в Facebook, не решил, что вы не соответствуете его понятиям о справедливости.

Капитан Дэвис медленно кивнул, отставляя пустой стакан.

— С чего начнем, О'Коннелл? Пока ФБР не приехало и не наступило на все грабли.

— Со следующей жертвы, — ответила она, уже листая файл на столе. — Он не остановится. Он нашел свою миссию. Нам нужно понять его логику, его выбор. Сара, я хочу все, что есть по этим весам. Магазины, онлайн-аукционы, форумы. Дэниэл, Уилсон, опросите всех, кто мог видеть что-то рядом с офисом Райта. И найдите связи между жертвами. Глубже. Должен быть общий знаменатель, помимо липовых приговоров.

Она посмотрела на красную надпись на доске. **ARBITER**.
Судья.

«Хорошо, мистер Судья, — подумала Элизабет, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Вынесли приговор

системе. Теперь ваша очередь. И я буду вашим последним, и самым строгим, судьей».

Снаружи, за окном, город гудел тревожным, незнакомым гулом. В нем проснулся новый голод. Голод на кровь, приправленную справедливостью. А игра только начиналась.

Глава 3: Плоть от плоти

Квартира Виктора Морозова в ничем не примечательном кирпичном доме в районе Бриджпорт была зеркалом его разума: безупречно чистая, функциональная и абсолютно безличная. Ни фотографий, ни безделушек, ни следов увлечений. Стеклянный стол с мощным ноутбуком Apple, на экране которого были открыты несколько вкладок — карты Google Maps, судебные базы данных, взломанный аккаунт в Facebook. Стеллаж с аккуратно расставленными книгами по юриспруденции, криминалистике и социальной психологии. Узкая, заправленная с армейской точностью кровать. И главный алтарь — большая пробковая доска, занимающая всю стену напротив окна.

На доске — не хаос, а строгая, продуманная система. В центре — распечатанные твиты и вырезки из Chicago Tribune с заголовками: «Суд оправдал бизнесмена, обвиняемого в гибели рабочих», «Коррупционный скандал в мэрии:

обвинения сняты», «Условный срок для насильника: судья сослался на „чистосердечное раскаяние“». Вокруг них, как спутники вокруг черной дыры, были приколоты фотографии. Те самые имена из его списка. Ричард Томпсон, улыбающийся на открытии своего сервиса. Кэтрин Льюис, раздающая фальшивые обещания с благотворительного мероприятия. Томас Райт, пожимающий руку чиновнику. И свежая, обведенная красным маркером Sharpie, — Патриция Хьюз. Бывшая судья Апелляционного суда, ныне успешный партнер в юридической фирме «Hughes & Black» с офисом в престижном районе Голд-Кост. Её профиль в LinkedIn сиял достижениями.

От каждой фотографии шли нити — красные, синие, черные. Связи, финансовые потоки через офшоры, распечатки email-переписок, невыполненные решения суда, выцветшие фотографии жертв их преступлений, скачанные с мемориальных страничек в Facebook. Это была карта несправедливости, визуализация той самой гнили, которая, по мнению Виктора, отравляла город. Он не видел людей. Он видел диагнозы. Симптомы болезни.

Виктор стоял перед доской, попивая холодный зеленый чай из простой керамической кружки. Его взгляд был сосредоточен на лице Патриции Хьюз. Уверенная улыбка, дорогая стрижка, умные, холодные глаза, смотревшие с профес-

сионального фото. Глаза, которые девять лет назад посмотрели на избитую до полусмерти жену алкоголика-бизнесмена, увидели цифры на банковском переводе, и закрыли дело «за отсутствием состава преступления». Через три месяца женщина умерла в больнице, так и не приходя в сознание. Бизнесмен отгулял на ее похоронах и женился на своей любовнице. История умерла на пятой странице местной газеты. Хэштег #JusticeForAnna просуществовал в Twitter менее недели.

Система проглотила это, не подавившись. Но не Арбитр.

На столе лежал распечатанный график. Он изучил жизнь Патриции Хьюз, как биолог изучает организм. Она посещала спа-салон «Urban Oasis» каждую среду вечером, возвращалась домой в свой кондо на Лейк-Шор-Драйв одна, около 22:30, всегда вызывая Uber Black. В её Instagram (частный аккаунт, взломанный за две недели до этого) были фото с благотворительного вечера в поддержку защиты прав животных. И среди лайков под фото паука, сделанного ее племянником, она написала: «Фу! Уберите! У меня фобия!». Её страх был документально подтвержден.

Уголок губ Виктора дрогнул в подобии улыбки. Не из садизма. Из чувства... поэтической справедливости. Его методы должны были не только карать, но и отражать суть вины.

Метафора. Наказание, вытекающее из преступления. Если система закрывает глаза — ты будешь смотреть. Если ты боишься чего-то больше смерти — ты встретишься с этим лицом к лицу.

Он подошел к небольшому террариуму в углу комнаты, затененному плотной тканью. Снял покрывало. Внутри, среди искусственных коряг и песка, медленно передвигались несколько крупных, мохнатых пауков-птицеедов вида *Brachypelma hamorii*. Виктор наблюдал за их точными, несуетливыми движениями. Они не были для него питомцами. Они были инструментами. Как и скальпель хирурга. Их приобрел через darknet с доставкой в анонимный почтовый ящик.

Его план для Патриции Хьюз обретал форму. Не быстрая смерть. Нет. Ее грех — бездействие, слепота, закрывание глаз на чужую боль. Ее наказание должно было заставить ее увидеть. Увидеть ужас, который она когда-то проигнорировала. Увидеть собственный страх, лицом к лицу. И остаться в живых, чтобы помнить.

«Ты отменила приговор невиновной, — мысленно обратился он к фотографии. — Теперь твой приговор приведен в исполнение. Ты — плоть от плоти этой системы. И система тебя же и поглотит».

Он накрыл террариум тканью, погрузив пауков обратно во тьму. В квартире снова воцарилась стерильная тишина, нарушаемая лишь тихим гулом процессора ноутбука. На экране в фоновом режиме работал скрипт, мониторящий упоминания «Арбитра» в соцсетях. Хештег **#The Arbiter** набирал популярность. Некоторые посты восхищались, другие ужасались. Идеальная питательная среда. Его правда находила отклик.

Виктор сел за компьютер и начал финальную проверку плана. Маршрут. Время. Отвлекающий маневр с фиктивным вызовом в службу безопасности ее кондо. Он чувствовал не возбуждение охотника, а спокойную уверенность садовника, выпалывающего сорняк. Один за другим. Пока город не очистится.

Или пока его самого не вырвут с корнем. Но даже эта мысль не вызывала страха. Он был инструментом. А инструмент не боится сломаться.

Глава 4: Кровные узлы

Департамент полиции Чикаго гудел, как потревоженный улей. Звонили телефоны старых моделей и трещали рации. Люди сновали по коридорам, лица были напряжены. Из кабинета капитана Дэвиса доносились приглушенные, но сер-

дитые голоса — там шло экстренное совещание с представителями мэрии. История с «Судьей» перестала быть просто громким делом. После утечек в TMZ и взрыва в Twitter она стала политической проблемой. Одни требовали немедленно поймать «маньяка», другие в язвительных постах на Reddit предлагали выдвинуть его на звание «Гражданина года».

Детектив Элизабет О'Коннелл сидела в своем временном убежище — освобожденной комнате для допросов №3, которую она превратила в штаб. Стол был завален папками и пустыми стаканчиками от Starbucks. Фотографии трех мест преступлений лежали перед ней ровными рядами, как карты Таро, предсказывающие лишь новые смерти.

В дверь осторожно постучали. Вошла детектив Эмили Родригес, держа в руках два свежих венте латте и распечатку.

—О'Коннелл? Капитан передал. Начальство рвет и мечет, мэр хочет пресс-конференцию, а федералы из ФБР намекают, что не против «помочь».

—Помогут похоронить всё в своих бюрократических отчетах и забрать лавры, — отрезала Элизабет, принимая кофе. — Что ещё?

—Сара Джонсон поработала, — Эмили положила перед ней распечатку. — Весы. Кустарная работа, мастерская где-то в Восточной Европе, но продаются через интернет-аукци-

оны и нишевые сайты вроде Etsy. Проследить цепочку покупок почти невозможно. Плюс... наш «Судья» их явно до-рабатывал. Следы тонкой обработки, чтобы чаши были идеально сбалансированы. Это не случайный предмет. Это часть ритуала.

— Убежденность, — прошептала Элизабет, глядя на фото весов с куском бетона. — Он верит в обряд. В акт правосудия. Это не эмоциональный взрыв. Это... литургия. А его паства уже пишет ему оды в Facebook.

Дверь резко распахнулась. В комнату влетел оперативник Дэниэл Уилсон, его лицо было возбуждено.

— Лиз, ты была права! Связь есть, и она мерзопакостная! Он швырнул на стол свежую папку.

— Ричард Томпсон, наш первый «клиент». Пять лет назад его осудили за серию краж со взломом. Основной свидетель, парень по имени Лео, который мог бы его завалить, перед процессом попал в ДТП. Очнулся в больнице с амнезией на последние полгода. Дело развалилось.

— И что? — спросила Эмили.

— Водитель, сбивший Лео, был пьян. Его адвокат вытаскивал ему минимальный срок по сделке о признании вины. Имя адвоката — Патриция Хьюз. Тогда она ещё работала в госзащите.

В комнате повисла тягучая тишина.

—Третья жертва, — медленно, укладывая в голове пазл, проговорила Элизабет. — Томас Райт. Кто был судьей в его первом деле, до того как оно ушло на апелляцию и превратилось в эти «хозяйственные нарушения»?

Дэниэл криво усмехнулся, без тени веселья.

—Бинго. Судья Патриция Хьюз. Она же вела то самое дело о домашнем насилии, которое закрыла.

—Он не выбирает жертвы случайно, — глаза Элизабет загорелись холодным, стальным пониманием. — Он выстраивает цепь. Каждое убийство — не просто акт мести одному человеку. Это удар по всей системе круговой поруки. Томпсона защищала Хьюз. Хьюз судила Райта. Хьюз... Он уже идет за ней. Мы опоздали с первыми двумя, но третья... Мы можем его опередить!

Она вскочила, смахивая со стола папки.

—Нужно взять Патрицию Хьюз под защиту. Немедленно. И поднять все её дела за последние десять лет! Всех, кого она оправдала или отпустила за решетку по сфабрикованным доказательствам. Он может ударить в любую точку этой цепи!

В коридоре вдруг раздался женский крик, а потом — грохот, будто что-то упало. Элизабет, Дэниэл и Эмили выскочили из комнаты. Посреди общего отдела стояла заплаканная женщина лет сорока, в руках она сжимала смятую фо-

тографию. Рядом с ней беспомощно топтался молодой патрульный Томас Браун, пытаясь её успокоить.

—Я требую говорить с тем, кто ведет это дело! — голос женщины дрожал от сдавленной ярости и не прожитого горя. — Про этого... этого «Судью»!

—Мисс, пожалуйста, успокойтесь, — пытался Браун, но его перекрывал ее голос.

—Успокоиться?! Он убил Томаса Райта! Ту тварь, которая убила моего мужа! Закон его отпустил, а этот человек... этот «Судья»... он сделал то, что должны были сделать вы!

Элизабет подошла медленно, как к раненому зверю, жестом остановив Брауна.

—Я детектив О'Коннелл. Веду это дело.

Женщина уставилась на неё глазами, полными слёз и странной, режущей сердце благодарности. Это был взгляд, от которого Элизабет стало физически плохо.

—Он... он герой, — выдохнула женщина. — Вы понимаете? Он дал нам хоть какую-то... справедливость. Мой муж... он так и не дождался. А этот... этот Райт покупал яхты. В Instagram выкладывал.

Элизабет почувствовала, как земля уходит из-под ног. Перед ней была не сторонница маньяка, а жертва. Жертва дважды: сначала системы, а теперь — чьей-то извращенной идеи о возмездии. Эта женщина была живым воплощением

той самой трещины, которую раскалывал Арбитр. Трещины между буквой закона и тем, что люди чувствуют в своих израненных сердцах. В эпоху, когда каждый мог высказаться в Twitter, таких людей становилось всё больше.

— Я понимаю вашу боль, — сказала Элизабет тихо, но так твердо, как только могла. — Но тот, кто это делает — не герой. Он убийца. Он сам стал тем, с кем, как он думает, борется. И если мы позволим ему вершить суд, завтра он или кто-то другой решит, что ваше горе, или мое, или чье-то ещё — недостаточно «чистое» для его правосудия. Вы хотите жить в таком мире? Где за вами может прийти не полиция с ордером, а сосед с ножом и чувством праведного гнева?

Женщина смотрела на неё, непонимание смешивалось с болью в ее взгляде. Она ничего не ответила, лишь судорожно сжала фотографию. Элизабет кивнула Брауну: «Отведи её в мой кабинет, дай чаю. Я скоро подойду».

Когда женщину увели, Элизабет обернулась к своим коллегам. Лицо её было каменным.

— Видели? Вот его настоящее оружие. Не стилет. Не яд. А это. Сомнение. Он не просто убивает. Он сеет хаос в самых основах. Он заставляет хороших, страдающих людей аплодировать злу. Он превращает правосудие в реалити-шоу, где смерть — это высший рейтинг.

Она ткнула пальцем в сторону, где только что стояла та женщина.

— Он уже выигрывает, если мы хоть на секунду за сомневаемся в том, что мы делаем. Так что забудьте про его «логику» и его «справедливость». Наша работа — остановить убийцу. Точка. Дэниэл, Эмили — вы со мной. Едем к Патриции Хьюз. Сейчас же.

— А как же согласования, ордер? — осторожно спросила Эмили. — У неё связи. Её адвокаты...

— К чёрту ордера, — резко сказала Элизабет, уже на ходу накидывая кожаный пиджак. — На бюрократию нет времени. Если я права, у нас есть часы, может, минуты. Если я ошибаюсь... что ж, тогда мне будет нечего терять.

Они выбежали из отдела, оставляя за собой гул голосов и тяжелый, густой воздух, пропитанный болью, гневом и сомнением. Гонка началась по-настоящему. И финишная черта, как понимала Элизабет, могла оказаться не на ленте, а на самом дне человеческой души, где стирается грань между мщением и правдой.

Глава 5: Ткань лжи

Элитный жилой комплекс «Вершина» на Лейк-Шор-Драйв был похож на стеклянную крепость, отражающую хмурое небо над озером Мичиган. Он стоял в стороне от городского шума, храня за своими стенами покой и невероят-

ные деньги. Именно здесь, в пентхаусе с видом на воду, жила Патриция Хьюз.

Элизабет, Дэниэл и Эмили подъехали на невзрачном служебном седане. Элизабет позвонила на пост охраны, представившись и потребовав доступ. Ответ был вежливым и холодным: «Миссис Хьюз поставлена в известность. Она вас не ждёт и просит не беспокоить. У неё важная телеконференция с Лос-Анджелесом».

«Важная телеконференция, — прошипела Элизабет, разрывая соединение. — Отлично. Едем. Попробуем донести информацию лично».

Они подошли к главному входу. Их встретил начальник смены охраны — подтянутый мужчина в безупречной форме, с планшетом Samsung в руке.

— Детектив О’Коннелл? — спросил он, сверяясь с изображением. — Я должен вас проводить. Но, как я уже передал, миссис Хьюз крайне недовольна вторжением в её личное время.

— Это не вторжение. Это вопрос её безопасности. Она может быть следующей целью серийного убийцы, — отрезала Элизабет, проходя мимо него в мраморный холл.

— У нас здесь система безопасности класса А. Камеры,

биометрия, круглосуточный патруль, — невозмутимо парировал охранник, ведя их к лифту из полированного металла. — Никто не проникнет.

Элизабет обменялась взглядом с Дэниэлом. Именно такая уверенность и была слабым местом. Арбитр никогда не лез напролом. Он находил трещину.

Пентхаус занимал весь верхний этаж. Лифт открылся прямо в просторный холл-гостиную в стиле минимализм. Всю стену занимал панорамный вид на озеро. В воздухе витал едва уловимый аромат дорогих свечей — какой-то экзотический сандал. Патриция Хьюз стояла у окна, спиной к ним, разговаривая по Bluetooth-гарнитуре. На ней был дорогой шелковый халат.

—...Нет, Стивен, мы не можем допустить упоминание этого пункта в меморандуме. Это создаст прецедент. Скажи им... — она обернулась и, увидев полицейских, нахмурилась. — Стивен, я перезвоню. Через пять.

Она сняла гарнитуру и бросила её на диван из белой кожи. Её лицо, умное и ухоженное, выражало раздражение и не скрываемое высокомерие.

— Детективы. В буквальном смысле ворвались. Вам не кажется, что вы нарушаете мои гражданские права? У вас есть ордер?

— Миссис Хьюз, вы в опасности, — начала Элизабет, показывая удостоверение. — Мы расследуем серию убийств. Убийца выбирает людей, которые, по его мнению, избежали правосудия. Мы нашли прямую связь между жертвами и вами.

Патриция Хьюз нервно рассмеялась, коротким, сухим звуком. Она подошла к мини-бару, налила себе в хрустальный бокал немного виски.

— О, Боже. Это про этого... этого психопата из новостей? Про «Судью»? — Она отхлебнула. — Детектив, за свою карьеру я провела сотни, если не тысячи дел. Любой маньяк с доступом к Google и парочкой судебных баз данных может натянуть сову на глобус и найти какую-нибудь «связь». Я не боюсь городских легенд.

— Ему не нужен ваш страх, миссис Хьюз, — тихо, но очень чётко сказал Дэниэл. — Ему нужна ваша жизнь. Он методичен. Он уже убил трех человек. Вы можете быть четвертой. Мы просим вас согласиться на полицейскую охрану. Хотя бы на несколько дней.

— Абсолютно исключено! — Хьюз поставила бокал с таким звоном, что казалось, хрусталь треснет. — Я не позволю превратить свою жизнь в цирк из-за угроз какого-то больного воображения. У меня дела, встречи, благотворительный

гала-ужин послезавтра. Моя репутация...

—Репутация? — Элизабет перебила её, её терпение лопнуло. — А как насчёт репутации Анны Морозовой? 2010 год. Дело о тяжких телесных повреждениях, приведших к смерти. Вы были судьёй. Вы закрыли дело за отсутствием состава. Обвиняемый — бизнесмен Грегори Стоун. Его отец, как выяснилось, сделал крупное пожертвование в ваш юридический фонд за месяц до слушаний.

Лицо Патриции Хьюз побелело. По-настоящему. Вся кровь отхлынула, оставив кожу серой и восковой. В её глазах мелькнул не страх, а что-то более быстрое и тёмное — паническое узнавание. Она схватилась за край бара.

—Я... Я не помню таких деталей, — её голос потерял уверенность и стал сиплым. — Дела было... много. Это было давно. Теперь, если вы всё закончили...

Она сделала шаг к ним, явно пытаясь вытеснить их к лифту. Её рука слегка дрожала.

—Иначе я позвоню своему адвокату и начальнику вашего департамента. И поверьте, звонок адвокату будет вторым.

— Мы пытаемся вас спасти, — сказала Элизабет, но уже понимая, что стена отчуждения и самоуверенности непробиваема.

—Мне не нужна ваша помощь, детектив. Мне нужен мой

покой. Прошу вас, уходите.

Дверь лифта закрылась перед их носом, щёлкнув системой магнитных замков.

— Ну и сучка, — выдохнул Дэниэл, спускаясь на парковку.

— Не сучка. Испуганная женщина, которая годами строила стену из денег, связей и статуса. И только что увидела, как в этой стене появилась трещина, — поправила его Элизабет. — Она знает. Знает, за что её могут наказать. И этот страх за свой идеальный мирок сильнее страха смерти. Он её и погубит. Она не будет сотрудничать.

Внизу их уже ждала Эмили, изучавшая план комплекса на экране планшета.

— Ничего на камерах за последние 72 часа. Ни одного подозрительного лица на подъездах. Но есть одно слабое место. Технический этаж ниже паркинга. Там главный узел вентиляции и кондиционирования всего здания. По документам управляющей компании, там три дня назад проводились плановые работы по замене фильтров. Фирма-подрядчик подтверждает. Но их сотрудник, который вёл работы, не вышел на связь сегодня утром. В фирме думают, он просто уволился, не отработав.

Холодная стальная полоска сжала сердце Элизабет.

—Он уже здесь. Он не пробирался — он был здесь легально. Под видом рабочего. Он изучил всё. Весь план. Все проходы.

Она посмотрела на часы. Был восьмой час вечера.

—Немедленно поднимаем людей. Штурмовую группу SWAT по тихому. Идём через техэтаж. И вызываем «скорую». Сейчас.

Она ошиблась. У них не было часов. У них, возможно, не оставалось и минут. Арбитр всегда был на шаг впереди.

Глава 6: За зеркалом

Технический этаж под паркингом пах пылью, сыростью и озоном от работающих трансформаторов. Воздух был неподвижен и тяжел. В свете налобных фонарей бойцов SWAT охватывались из мрака гигантские вентиляционные короба, опутанные проводами и трубопроводами, похожие на внутренности какого-то стального исполина. Все было пусто. Следов недавнего присутствия не было видно.

— Осмотр ничего не дал, детектив, — доложил командир группы, его голос глухо звучал в радиоканале. — Пыль на полу не тронута неделями. Ни отпечатков, ни оброненных предметов.

Элизабет стояла посреди этого бетонного чрева, чувствуя, как ледяные щупальца сомнения сжимают ее сердце. Может, она ошиблась? Завела всех в этот подвал из-за своей паранойи и дала ему время наверху? Гул систем здания казался ей насмешливым шепотом.

Внезапно ее персональная рация, настроенная на канал Эмили, оставшейся у мониторов охраны, хрипло взорвалась голосом:

— Лиз! Срочно наверх! Пентхаус Хьюз! Сработала тревога «Паника»! Дверь заблокирована изнутри на все замки! На звонки не отвечает! Тепловизоры показывают одну неподвижную точку в гостиной, но движения нет!

Ледяная волна прокатилась по спине Элизабет. Он обманул их. Он был уже наверху, пока они рыскали внизу, возможно, наблюдая за ними через камеры. Он всегда на шаг впереди.

— Наверх! Все, бегом! — скомандовала она, уже разворачиваясь к лестнице.

Они ворвались в лифт. Каждая секунда пути на двадцатый этаж казалась вечностью. Когда двери открылись, они увидели охрану комплекса и Эмили перед массивной дверью в пентхаус. Дверь была цела, но от нее веяло ледяным, неесте-

ственным молчанием.

— Вышибаем! — приказала Элизабет, и бойцы SWAT приготовили компактный таран.

С третьего удара стальная дверь поддалась, с грохотом срывая замки. Группа ворвалась внутрь с оружием наготове, сканируя пространство.

Гостиная была погружена в полумрак. Горели только несколько толстых ароматических свечей в высоких подсвечниках, отбрасывая на стены и потолок пляшущие, гигантские тени. Воздух был густым, сладким и тяжёлым от запаха воска и ладана. Из колонок встроенной аудиосистемы тихо, на грани слышимости, лилась тревожная классическая музыка — что-то вроде «Смерти и девы» Шуберта.

И тогда они увидели её.

Патриция Хьюз сидела в своем же кресле Eames Lounge Chair у потухшего камина. Она была жива. Ее глаза, невероятно широко раскрытые, смотрели прямо перед собой, но не видели их. В них застыл немой, абсолютный, леденящий душу ужас. Она не двигалась, не кричала. Просто сидела, застывшая, как восковая фигура в музее ужасов. Ее рот был слегка приоткрыт, но никакого звука не выходило. На ней был тот же шелковый халат.

На кофейном столике перед ней стояли те самые латунные весы. На одну чашу был положен обрывок черной судейской мантии. На другую — три пустые гильзы от патронов .45 калибра, того самого, что использовался в деле об убийстве Анны Морозовой.

Но самое страшное было не это. Все ее тело, от плеч до колен, ее руки, лежавшие на подлокотниках, даже волосы — было покрыто... паутиной. Не настоящей, а искусной, аккуратно сплетенной из толстых нитей белого шелкового шпата. Сеть была густой, липкой на вид и крепилась к спинке кресла, к столу, к торшерам, образуя сложную, жуткую конструкцию. А по этой паутине, не спеша, с невозмутимой членостонозой грацией, двигались несколько крупных, мохнатых пауков-птицеедов. Один из них полз по ее неподвижной руке. Другой сидел у нее на плече, словно жуткая брошь. Третий медленно спускался с потолка прямо перед ее лицом.

Она не была ранена физически. Но ее разум был уничтожен. Он наказал ее именно тем, чего она боялась больше всего. Он заставил ее смотреть. Смотреть в лицо своему страху, без возможности отвернуться или закричать. Он оставил ее в живых. Сломанной. Как вечное напоминание о ее вине. О слепоте.

— Не двигаться! — крикнула Эмили, но было поздно. Один из молодых бойцов SWAT, увидев пауков, инстинктивно отпрянул и задел плечом кофейный столик. Весы с грохотом упали на пол.

Звук, наконец, вырвал Патрицию Хьюз из кататонического ступора. Она издала тихий, протяжный стон, больше похожий на скрип открывающейся могильной плиты, а затем забилась в истерике. Она дико, с животным ужасом стала сдирать с себя паутину, давить ползающих по ней пауков, захлебываясь дикими, нечеловеческими рыданиями и криками.

Элизабет стояла, чувствуя, как ее собственная ярость и отвращение поднимаются к горлу кислым комом. Он не просто убил. Он изнасиловал разум. Он превратил наказание в изощренную, театральную пытку и оставил им наглядный урок своей «работы». И все это — под жуткий саундтрек.

Ее взгляд упал на пол. Рядом с упавшими весами лежал небольшой, чистый листок дорогой бумаги. На нем было написано аккуратным, почти каллиграфическим почерком:

«СЛЕПАЯ ФЕМИДА ПРОЗРЕЛА. ПРИГОВОР ИСПОЛНЕН. ДЕЛО №4 ЗАКРЫТО. АРБИТР»

Он был здесь. Минуту назад. Возможно, смотрел на них из темноты смежной комнаты или с балкона. Он играл с ними, как кот с мышью. И он снова выиграл этот раунд.

— Всё... всё осмотреть! — с трудом выдавила из себя Элизабет. — Он где-то здесь! Ищите потайные лестницы, служебные лифты! Проверить балкон!

Но поиски были тщетны. На балконе было пусто. В спальне — порядок. «Арбитр», как призрак, растворился в ночи, оставив после себя только сломанную женщину, жуткую паутину, тихую музыку и всепроникающее, унижительное понимание: он умнее их. Он всегда на шаг впереди.

А где-то в другом конце города, обычный, ничем не примечательный мужчина в темном пуловере и кепке спускался в станцию метро «Джексон». Виктор Морозов чувствовал не триумф, а глубокую, ледяную пустоту. Зрелище сломленного разума не принесло ожидаемого очищения. Лишь горький, металлический осадок на языке. Он сделал то, что должен был. Но тьма, которую он вытаскивал на свет, начала липнуть и к его собственной душе. В блокноте, в уме, он поставил мысленный крестик рядом с именем «Патриция Хьюз». Дело №4 было закрыто.

Но игра, он это знал, только усложнялась. Теперь они ви-

дели масштаб. И теперь детектив О'Коннелл увидела не просто убийцу. Она увидела режиссера. А это делало ее одновременно опаснее и... интереснее.

Глава 7: Отголоски тишины

Утро после кошмара в «Вершине» было серым и стылым, словно сам город пытался отмыться от случившегося. В оперативном отделе царил гробовая, униженная тишина, нарушаемая только шелестом бумаг и приглушенными, почти стыдливими разговорами. Все понимали: их не просто переиграли. Их использовали как статистов в чудовищном спектакле, а затем выставили дураками на весь мир. Кадры с истеричной Патрицией Хьюз, обмотанной паутиной, уже гуляли по CNN и TMZ, щедро сдобренные едкими комментариями. Хештег **#Arbiter Wins** набирал популярность с пугающей скоростью.

Элизабет сидела в своем кабинете, уставившись в стену, но не видя ее. Перед ней лежала фотография весов и записка. «Слепая Фемида прозрела». Он считал это актом правосудия. Возвращением дара зрения через абсолютный ужас. Какая изощренная, безупречно выстроенная и бесконечно больная логика.

В дверь постучали, не дожидаясь ответа. Вошел капитан

Дэвис. Он выглядел на двадцать лет старше, словно ночь вытянула из него все соки.

—Пресса уже знает все детали, — его голос был хриплым от бессонницы и сигарет. — Про пауков, про весы, про музыку. Кто-то слил. Не мы. Охрана комплекса, скорее всего. Город в истерике. Одни требуют твоей отставки за то, что не уберегли, другие... других стало еще больше, Лиз. Они говорят, что Хьюз получила по заслугам. Что это — истинная, поэтическая справедливость. В Reddit уже разобрали его «символизм» по косточкам и аплодируют.

—Они ошибаются, — глухо сказала Элизабет, не отрывая взгляда от фотографии.

—Я знаю. Но ошибка начинает брать верх. Мэр требует результатов. Любых. ФБР официально входит в дело и завтра высаживает свой десант. Наш отдел... наш отдел отодвигают на второй план. Фактически, отстраняют от активного расследования. Мы теперь — на подхвате.

Элизабет медленно подняла голову. В ее глазах не было поражения. Там тлели угли той самой ярости.

—Нет. Это наш город. Наше дело. Он играет с нами, Майкл. С нами лично. Отдай его федералам — и он воспримет это как слабость. Как нашу окончательную капитуляцию. Он уйдет в глубокое подполье или изменит город. Или устроит нечто еще более жуткое, чтобы снова привлечь наше внимание, доказать свое превосходство.

—Что ты предлагаешь? — устало спросил Дэвис, опускаясь в стул. — У нас нет ни единой зацепки. Он призрак.

—Есть одна. Его гордыня. Он оставил записку. Он общается. Он хочет, чтобы его поняли, оценили масштаб его «работы». Значит, нужно начать диалог. Не с ним. С его логикой.

— Диалог? С мантией и птицеедами?

—С его прошлым! — Элизабет ударила кулаком по столу. — Мы копали вглубь прошлого его жертв. Надо копать вглубь него самого. Кто он? Откуда эта идея «возмездия выше закона»? У всех таких фанатиков... есть отправная точка. Личная трагедия. Обида, которая кристаллизовалась в эту адскую машину. Надо найти ее. Тётю Иру. Анну Морозову. Найти то, что его сломало.

В этот момент в кабинет, не стучась, вбежала Сара Джонсон. Ее обычно бесстрастное лицо криминалиста было возбуждено, глаза горели.

—Лиз! Капитан! Мы что-то нашли. На той записке. Не на лицевой стороне, а на обороте, у самого края. Микроскопические частицы. Не городская пыль. Стружка. Деревянная стружка, очень специфическая. И следы органического лака.

—И? — Элизабет замерла.

—Я отправила фото коллеге-реставратору из Института искусств. Он только что позвонил. Это очень редкая комби-

нация. Такой лак — шеллак, и такая древесина — определенный сорт красного дерева, используются в дорогих, часто частных мастерских, которые делают или реставрируют... настольные игры. Шахматы, нарды, готические backgammon. Или музыкальные инструменты. Но стружка — именно от ручной обработки на токарном станке или резца, не от старой мебели. Это свежая работа.

Тишина в кабинете стала звенящей, как струна.

—Мастерская? — тихо проговорил Дэвис, и в его голосе впервые за день прорвалась живая нота.

—Или дом, где он их делает, — сказала Элизабет, поднимаясь. Мысли крутились в голове с бешеной скоростью. — Его святилище. Не просто место, где он спит. Место, где он вытачивает свои символы, планирует, отликает свои веса. Это не просто убийца. Он — творец. Ремесленник. Ему нужно место. Тихое, уединенное, где много дерева, этого лака, инструментов. И где можно шуметь. Гаражи, подвалы, заброшенные мастерские в промзонах...

—Это как искать иголку в стоге сена по всему Чикаго, — вздохнул Дэвис, но уже без прежней безнадеги.

—Но теперь у нас есть магнит, — возразила Элизабет. Впервые за сутки что-то похожее на решимость появилось в ее голосе. — Сузь круг. Все зарегистрированные столярные мастерские, курсы woodworking, магазины, где продают такие специализированные лаки и редкие породы дерева. Он

должен где-то закупать материалы. И проверь всех, кто покупал этих пауков. Он изучал свою жертву до мелочей. Значит, где-то он вёл поиски, спрашивал о фобиях, возможно, на тематических форумах. Это оставляет цифровой след, пусть и тщательно прикрытый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.